

В.Б.Кувалдин

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО И НОВЫЙ МИРОПОРЯДОК*

Процесс глобализации идет полным ходом. Мир меняется буквально на наших глазах. За десять лет, прошедших после завершения «холодной войны», он стал более взаимосвязанным, взаимопроникающим, взаимозависимым и взаимоуязвимым, чем когда-либо ранее. В ходе трансформации того общественного устройства, которое существовало и развивалось в течение столетий, национально-государственные формы человеческого бытия постепенно утрачивают свою самодостаточность. Незаметно происходит процесс «вплотзания» в новый общественный уклад. Глобализация – процесс формирования глобального человеческого сообщества, становления единого мира, в котором глобальные системы не только скрепляют прежде разрозненные фрагменты целого, но и оказывают на них глубокое преобразующее воздействие. Фактически речь идет о создании глобального сообщества, в рамках которого существующие национально-государственные образования выступают в качестве более или менее самостоятельных структурных единиц. Мы называем его мегаобществом.

«Увидеть» мегаобщество мешают сложившиеся, прочно укоренившиеся представления о современном государстве как наиболее крупной из возможных человеческих общностей. Эти представления заданы моделью нации-государства, которая доминировала на протяжении Нового времени. За пять веков своего существования и бурного развития нации-государства утвердились в нашей ментальности как альфа и омега человеческого бытия. Хотя история знает немало примеров человеческих сообществ, выходящих далеко за национально-государственные рамки, – великие империи древности, мировые религии, Европа позднего средневековья, однако сегодня в обыденном сознании национальные государства предстают как универсальная форма организации общества, в которой как бы отныне и навеки отлито человеческое бытие.

Можно предположить, что формирование мегаобщества вряд ли пойдет проторенными путями, запечатленными в исторической практике. Набирающий силу процесс не разрушает существующие общества, а вбирает их в себя, постепенно преобразуя в соответствии со своей внутренней логикой. Впервые в истории общество создается не огнем и мечом, а с использованием более цивилизованных методов (хотя силовое принуждение в новых формах играет значительную роль). Мегаобщество вырастает исподволь,

* Статья написана на базе готовящейся к изданию монографии «Грани глобализации».

используя сложившиеся формы бытия как строительный материал.

В то же время само собой разумеется, что нет никакой заранее предустановленной модели мегаобщества, под которую будут подгоняться сообщества реально существующие. Скорее, наоборот, оно вырастает из них, пластично принимая очертания под воздействием наиболее сильных и организованных субъектов исторического процесса.

Центральная и наиболее сложная проблема глобализации – как будут строиться отношения между формирующимся мегаобществом и национально-государственными организациями. Судя по всему, здесь нет и не может быть никакого единого образца. Всё зависит от типа общества, уровня его развития, творческого потенциала, наличия ресурсов, характера отношений с внешним миром. Вопреки распространенным представлениям, в ходе глобализации «перегородки» между различными сегментами мира не рушатся, а преобразуются: становятся проницаемыми «мембранами» с управляемыми токами обменов в случае успешного вхождения в мировое пространство или полуразрушенными переборками с безуспешно латаемыми пробоинами в случае провала.

Перспективы глобализации видятся по-разному из столиц мировых лидеров и небольших слаборазвитых государств. Для вырвавшегося вперед Запада глобализация открывает уникальные возможности, отставшему Югу приходится выбирать между зависимостью и изоляцией. В соответствии с накопленным потенциалом в мегаобществе одни равнее, чем другие, растущая взаимозависимость носит асимметричный характер. В то же время увеличивается заинтересованность баловней мегаобщества в ликвидации наиболее вопиющих диспропорций мирового развития. При всем желании они не могут абстрагироваться от того, что происходит в зонах бедствий и потрясений.

В отличие от обычной исторической практики почти невозможно представить создание мегаобщества как результат целенаправленных усилий, руководимых или хотя бы скоординированных из единого центра. Куда более реалистичной выглядит перспектива становления мегаобщества как грандиозного, во многом стихийного исторического процесса постепенного создания глобальных сетей поверх барьеров и границ. Его формирование предстает в виде поиска решений фундаментальных проблем, требующих координации ресурсов, возможностей, усилий на наднациональном уровне.

По своей природе процесс глобализации не может быть простым, гладким и бесконфликтным. Он затрагивает и задевает всех и каждого: индивидов, малые и большие сообщества, государства и регионы, народы и цивилизации. За теми или иными путями и методами решения глобальных проблем, моделями формирующегося

мегаобщества стоят колоссальные интересы. В известном смысле можно сказать, что глобализация сфокусировала в себе все противоречия и конфликты современного мира.

Ахиллесова пята глобализации – политические структуры, государственные институты, системы управления. Не впадая в утопии типа мирового правительства, можно смело сказать, что даже первые шаги по пути глобализации требуют качественного более высокого уровня управляемости общественными процессами. Нельзя строить будущее с политическим инструментарием прошедшей эпохи.

Те средства координации, контроля и управления, которые веками создавались на национальном уровне, явно утрачивают эффективность в глобализирующемся мире. Для того, чтобы совладать со стихией общественных процессов, их надо дополнить, надстроить какими-то наднациональными системами регулирования. В то же время, в соответствии с новыми условиями, существующие политии должны претерпеть глубокую трансформацию.

***

Чисто внешне глобализация предстает отрицанием национального государства, которому в мире глобальных норм, ценностей, структур и институтов грозит вымирание. Оно плохо приспособлено к современной жизни – с одной стороны, существующие государства слишком малы, чтобы успешно действовать в глобальной экономике, а с другой стороны, они слишком велики, чтобы сохранять нормальный контакт с повседневной жизнью людей.

Информационная революция, развитие современных видов коммуникаций в бизнесе, управлении, общественной деятельности и повседневной жизни подрывают монополию государства на знание реального состояния дел, граждан превращают в активных и сознательных участников политического процесса, в отношении с властью личность получает невиданные ранее возможности, свободу рук.

Несмотря на невольное создающееся впечатление, что национальное государство как особый продукт Нового времени вскоре должно «кануть в Лету», государства не торопятся сойти со сцены. Они не только приспособляются к новым условиям, но и саму глобализацию стремятся приспособить к своим интересам. В глобализирующемся мире ценность государства как общественного института по-прежнему очень высока. На протяжении XX века число суверенных государств постоянно росло. В частности, конец века отмечен появлением десятков новых государств.

Создание наднациональных институтов, региональная интеграция не маргинализируют государство, а придают ему второе дыхание. В Европейском Союзе национальные правительства вовсе не спешат передавать полномочия брюссельской бюрократии,

предпочитая держать ту «на коротком поводке». Региональная интеграция вовсе не ослабила стремления к созданию своего государства у шотландцев, фламандцев, басков, французов Квебека и других.

Несмотря на бурное развитие экономической интеграции, национальное государство остается важнейшим фактором хозяйственной жизни. Большое значение имеет не только деятельность правительства по регулированию экономики, но и такие следующие неотъемлемые характеристики государства: определенная территория, наличие границ, общность психического склада населения, национальное самосознание, уклад жизни. Становление глобальной экономики происходит не в обезличенном пространстве, а в очеловеченной среде, населенной культурно-историческими общностями со своей психологией, менталитетом, моделями поведения.

Непреходящее значение национально-государственной идентичности особенно хорошо видно на примере экономического поведения соседних, близких и родственных народов. Так, канадский профессор Джон Хэлливэл, изучив торговые связи своей страны с ее южным соседом и основным партнером, Соединенными Штатами, установил, что в 1996 году объем торговли товарами и услугами какой-либо канадской провинции с другой канадской провинцией был соответственно в 12 и 40 раз больше, чем с американским штатом, похожим по величине и степени удаленности¹.

¹ «The Economist»,
Dec. 19th 1998, p. 21.

По этим данным, создание зоны свободной торговли между США и Канадой несомненно стимулировало развитие экономических связей между двумя странами. В первые четыре года ее существования (1989-1993 гг.) соответствующие показатели внутриканадского товарооборота – по сравнению с торговлей с американскими штатами аналогичного уровня – снизились с 20:1 до 12:1, но затем падение прекратилось. Другими словами, в 90-е годы привлекательность американских торговых партнеров в глазах канадцев заметно возросла, но, как правило, все равно предпочитают иметь дело со своими соотечественниками².

² *Ibidem*.

Аналогичную картину можно наблюдать и в других интеграционных группировках. Несмотря на ликвидацию препоны и барьеров, магнитное поле своей страны крепко держит бизнесменов. По оценке профессора Хэлливэла в Европейском Союзе интенсивность внутрискановой торговли в 6 раз выше, чем между входящими в ЕС государствами³.

³ *Ibidem*.

Разумеется, люди привязаны к родной почве гораздо сильнее, чем товары или услуги. Так при смене места жительства канадцы отправляются в другую провинцию, но не в Соединенные Штаты (соотношение 100:1, с учетом различий в уровне доходов и величине населения). Они готовы интегрировать свою экономику с американским локомотивом, но хотят сохранить национальную

⁴ *Ibid.* p. 21, 22.

идентичность. В Канаде даже бизнесмены не смешивают деловые интересы с образом жизни. «Да, я выступаю за дальнейшую экономическую интеграцию, – заявил один из них. – В то же время я думаю, что наше общество лучше – и я никогда не откажусь от него».⁴

Такая же картина наблюдается и в Европе. В Европейском Союзе, где жители обладают полной внутренней свободой передвижений, за пределами своей страны живет всего 1,5% населения, что составляет 5,5 млн. чел..⁵

⁵ «The Economist», January 29th 2000; Survey: Globalization and tax, p. 16.

Государственные границы разделяют род людской. А люди превращают их из разделительных линий в соединительную ткань, скрепляющую различные элементы человеческой мозаики. Возьмем, например, американо-мексиканскую границу. Она разделяет не две страны. Она разделяет два мира, развитой и развивающийся. И на этом водоразделе происходят очень интересные процессы.

В последние десятилетия прошлого века полупрозрачная (для капиталов и товаров, но не людей!) американо-мексиканская граница превратилась в огромный сборочный цех высокотехнологичных производств. Из Соединенных Штатов поступают исходные компоненты, а на американский рынок отправляется готовая продукция, которую собирают в приграничных районах Мексики на предприятиях, где зарплата в четыре раза ниже американской, но гораздо выше, чем в среднем по стране.

Неудивительно, что северная граница как магнит притягивает мексиканцев. С 1980 года население вдоль границы увеличилось с 3,5 млн. до 12 млн. человек. Здесь разместилось около 4 тыс. предприятий с почти миллионом занятых. За год они производят продукции на 7 млрд. долл. (после нефтяной промышленности это второй по значению сектор мексиканской экономики)⁶.

⁶ «The Economist», Dec. th 1998, p. 22.

Особую силу и устойчивость современным государствам придает их органичная спаянность с национальным чувством. Как правило, национализм не очень рационален, но в его активе есть один бесспорный аргумент: в современном мире нация может утвердиться только при помощи своего государства.

Глобализация требует минимальной совместимости политических систем. В современном мире их общим знаменателем стали демократические институты. На протяжении XX века демократия развивалась вглубь и вширь. Запад совершенствовал демократические системы методом проб и ошибок, остальной мир так или иначе двигался в том же направлении, приспособливая демократические принципы к иному социально-политическому контексту.

В то же время политические системы демонстрируют явные признаки кризиса: падает доверие к политикам и государственным

институтам, сокращается число партийных активистов, снижается доля участвующих в выборах. Люди значат меньше, а деньги, административные возможности, контроль над средствами массовой информации – больше⁷.

⁷ См. подробнее:
«The Economist», July 17th
1999, pp. 35-36; July 24th
1999, pp. 33-34.

Несомненно, глубокий отпечаток на судьбу демократических институтов в западном мире наложит разгорающаяся борьба с международным терроризмом. Соображения личной и национальной безопасности могут поставить под вопрос традиционную приверженность гражданским свободам и правам человека.

Несмотря на ряд тревожных симптомов, хоронить демократию – особенно на Западе – рано. Речь идет скорее о болезнях роста, чем о признаках упадка: более образованные, информированные, требовательные, активные граждане ищут новые формы участия в политическом процессе. Возможно, что информационная революция, появление «электронного правительства» откроют другие горизонты обновления и укрепления демократии.

Также рано списывать со счетов и политические партии, которые были и остаются основным связующим звеном между гражданами и государством. Современные партии успешно учатся воевать не числом, а умением, используя такие ресурсы, как деньги, организация, идеология, политическая программа, опыт государственного управления. Они жестко контролируют многие стороны политической жизни, бдительно охраняя свои прерогативы от любых посягательств извне.

В последние десятилетия в системе демократических институтов все более важную роль играют судебные органы, действительно ставшие третьей властью. В зависимости от страны, функции арбитров в политических спорах берут на себя конституционные суды, административные трибуналы, суды общей юрисдикции. В их распоряжении два мощных рычага воздействия на исполнительную и законодательную власть: 1) оценка законов и подзаконных актов на предмет их соответствия конституции страны; 2) оценка законности решений и действий административных органов. Объявляя незаконным (неконституционным) соответствующее решение парламента или правительства, они блокируют его осуществление.

В отличие от экономики политическая жизнь разбита по национальным квартирам. Здесь международное сотрудничество на порядок ниже, чем в хозяйственной сфере. Формирующееся мега-общество не имеет политического каркаса, что делает его рыхлым и бесформенным образованием.

Не смотря на это, при наличии благоприятных условий национальное политическое взаимодействие развивается в определенных пределах. Одним из примеров такого рода является формирование сплоченных партийных фракций в Европейском парламенте. Здесь постепенно образовались две мощные группировки:

Партия европейских социалистов и Европейская народная партия, в состав которой вошли христианские демократы и консерваторы. Если в 1979 году они объединяли около половины депутатов, то двадцать лет спустя – около 70%⁸.

⁸ «The Economist», March 6th 1999, p. 29.

С годами заметно укрепилась партийная дисциплина. Голосование по партийным линиям стало правилом, почти не допускающим исключений. В 90-е годы на протяжении двух legislatur (1989-1994 гг. и 1994-1999 гг.) число голосующих в соответствии с партийными установками среди социалистов увеличилось с 62% до 89%, «народников» – с 84% до 90%⁹.

⁹ Ibidem.

Но даже далеко продвинувшаяся европейская интеграция, не говоря уже о других регионах, пока не создала единого политического пространства. Государства ревниво берегут свой суверенитет, национальные правительства оставляют последнее слово за собой, особенно в критических ситуациях. Похоже, время политической глобализации еще не наступило.

И все же, в условиях глобализации национальное государство перестает выступать в качестве единственного субъекта, монопольно интегрирующего интересы крупных общностей и представляющего их на международной арене. Транснациональные корпорации с их полиэтничным персоналом, международные профессиональные сообщества, неправительственные организации, неформальные группы по интересам, возникающие на базе «мировой паутины» – Интернета – играют возрастающую роль в мировой политике и экономике. В различных сферах и областях деятельности стараниями наиболее энергичных и хорошо подготовленных появляются многочисленные формальные и неформальные объединения «граждан мира», которые, полностью или частично ускользнув из-под контроля «своего» государства, отправляются в увлекательное плавание по бурным волнам мирового социума в период становления.

Формирование мегаобщества, образование взаимосвязанного мира ставит человечество перед острейшей проблемой управления глобальным развитием. Как избежать опасностей, которые возникают в одном месте, а проявляются в разных частях планеты? Как подчинить своей воле процессы, которые кажутся сегодня грозными и неконтролируемыми? Как воздействовать на глобальный по размаху ход событий? Современная мировая политика призвана решить важнейшую задачу – обеспечить управляемость в новых масштабах: ширь – на всем пространстве планеты, вглубь – на всех уровнях организации от локального до всемирного.

В сущности именно этот процесс разворачивается на наших глазах: формируется новый мировой порядок не просто как очередная система международных отношений, а как более или менее целостное мироустройство, базирующееся на единых основаниях. Экономика, политика, право, социальные отношения, модели поведения,

вовсе не становясь тождественными, приобретают ранее невиданную степень совместимости.

Транснациональные системы связей и отношений, развивающиеся в различных сферах жизни, более или менее легко преодолевают государственные границы, создают новые общности и институты. Взаимодействие, взаимопроникновение, взаимозависимость национальных организмов начинают приобретать столь интенсивный и органичный характер, что невольно возникает вопрос, в какой мере мы остаемся в рамках вестфальской (в широком смысле) системы международных отношений как системы, базирующейся на взаимоотношениях суверенных государств. Возможно, она приобретает переходный гибридный характер, где межгосударственные отношения вписываются в более широкую и основательную систему взаимодействий.

Утратив былую монополию в сфере международных отношений, национальные государства остаются ключевыми игроками на этом поле. Именно межгосударственные отношения создают кристаллическую решетку всей усложнившейся системы мировых связей. Именно государства, точнее наиболее сильные из них, формируют мегаобщество, исходя из своих целей и интересов. Упакованная в традиционную внешнеполитическую оболочку, эта многообразная деятельность нацелена на воплощение той или иной версии мироустройства. Каждое национальное сообщество пытается застолбить себе позиции на будущее, что удастся далеко не всем. Число обойденных и обделенных столь велико, что они создают критическую массу, ставящую под вопрос нынешнюю модель глобализации.

Чисто внешне мир после холодной войны формируется нетривиальным образом. Преодоление идейно-политического раскола человечества, новые основы мироустройства не зафиксированы международно-правовыми актами, принятыми представительным форумом и имеющими обязательную силу. В отличие от прошлого новый миропорядок диктуют не победители, он как бы стихийно рождается в повседневной общественной практике. «Как бы» – потому что в действительности у основных игроков есть свое видение будущего, своя стратегия, своя оценка ситуации. Естественно, что они – разные, и возможности их осуществления совсем неодинаковые.

Новый миропорядок отличается от своих предшественников не только обстоятельствами рождения, но и рядом сущностных черт, среди которых, не претендуя на полноту охвата, можно выделить следующие:

- 1) расширение и усложнение понятия «национальная мощь»;
- 2) раздвоение правовых основ;
- 3) бесперспективность изоляционизма;
- 4) постепенный отход от игр с нулевой суммой;

5) более жесткое выстраивание (групп) государств по ранжиру и в определенных системах взаимоотношений;

6) стимулирование интеграционных процессов разного типа и степени интенсивности;

7) ликвидация «китайской стены» между внешней и внутренней политикой.

Остановимся на каждой из них более подробно.

1. Наряду с традиционными показателями национальной мощи (территория, население, уровень экономического развития, величина армии и степень ее оснащенности, научно-техническая база, система союзов и т.д.) глобализация выдвигает на первый план новые факторы силы: информационно-коммуникационный потенциал, положение на мировых финансовых рынках, скорость освоения новых технологий, возможности воздействия через международные организации, идейно-политические рычаги. В нынешних условиях взаимопроницаемость национальных организмов, как отмечалось выше, делает сильных сильнее, а слабых – слабее.

Новая стадия мирового развития благоприятствует Западу. В ряде жизненно важных сфер ему нет необходимости прибегать к каким-то особым мерам для того, чтобы утвердить свое превосходство – например, в таких ключевых областях, как финансы, информационные сети, средства массовой информации, которые в то же время могут использоваться как мощное универсальное оружие для разрешения в свою пользу конфликтов различного рода.

Другим стратегическим оружием Запада являются высокие технологии. Занимая ведущие позиции почти по всем направлениям научно-технического прогресса, западный мир обладает большими преимуществами в области открытий и изобретений, закрепляет их системой патентов и лицензий, а затем спокойно переплавляет в техническое (включая военно-техническое) превосходство. Это дает ему возможность снимать сливки с новых товаров и услуг на мировых рынках, получать монопольную прибыль, наращивать экономическое превосходство. Остальным остается ждать, имитировать, догонять.

Не меньшее значение имеют те позиции, которые Запад занимает в основных международных организациях, особенно финансовых и экономических, таких, как «семерка-восьмерка», Международный валютный фонд, Всемирный банк, Всемирная торговая организация. Они позволяют ему опосредованно, но надежно контролировать мировую экономику, извлекая, естественно, немалую выгоду. Через эти организации Запад определяет глобальные правила игры, разумеется, в желательном для себя виде.

В крупной игре на глобальных полях в руках западного мира внушительный набор козырей. Особенно важна способность

объединять ресурсы для решения общих стратегических задач. Вообще Запад (или, если точнее, развитые страны, в том числе и вне Западной Европы и Северной Америки) сильно выигрывает за счет своей внутренней консолидации, которая на порядок выше, чем у других центров силы. Три его основные составляющие (США, Западная Европа, Япония) связаны механизмами «семерки» и другими. В свою очередь каждая из них играет ведущую роль в обширных суперрегионах: США – в НАФТА и Западном полушарии вообще, западноевропейские государства – в Европе (и во многом – в Африке и на Ближнем Востоке), Япония – в Восточной Азии (и вместе с США, Австралией, Новой Зеландией – в Тихоокеанском бассейне).

2. Выше отмечалось, что новый мировой порядок, возникший после «холодной войны», никем не установлен и не освящен. Не случайно, его нередко называют «новым мировым беспорядком». Действительно, в отличие от прошлого, сейчас нет каких-то общепринятых «правил игры» на международной арене. Одновременно действуют различные установки, в значительной степени противоречащие друг другу. Это создает опасную ситуацию неопределенности, двусмысленностей, конфликтующих подходов.

После холодной войны быстро углубляется раскол правовых основ миропорядка. С одной стороны, никто не отменял традиционный принцип суверенитета государств, на котором строились системы международных отношений в течение столетий. Они были и остаются отношениями взаимопризнанных государств-суверенов, обладающих всей полнотой прав и полномочий внутри установленных границ. Фундаментальная категория государственного суверенитета положена в основу Устава ООН, важнейшего источника современного международного права.

С другой стороны, все сильнее становится тенденция признания прав человека как основополагающего принципа, в том числе и в международных отношениях. Пока она сфокусирована на защите личности от произвола со стороны «своего» государства, но в дальнейшем может стать конституирующей основой всеобъемлющего правового регулирования в глобализирующемся мире.

Кровавый XX век постепенно сам выработывал противоядие произволу власть имущих в отношении своих и чужих. Медленно, с боями, моральные нормы пробивали себе дорогу в международное право. Нюрнбергский и Токийский трибуналы от имени человечества показали военных преступников, создав важнейший прецедент международной защиты поправленных прав человека.

Когда во второй половине 40-х годов специальный комитет ООН разрабатывал Всеобщую декларацию прав человека, он обратился к видным представителям разных культур и цивилизаций с просьбой очертить круг фундаментальных человеческих ценностей.

К немалому удивлению авторов будущей декларации, их набор оказался, в сущности, примерно одинаковым во многих частях земного шара. В первую очередь, речь шла о защите человеческой жизни и достоинства, терпимости, стремлении к свободе, порядку, справедливости и стабильности.

Во второй половине XX века идея универсальных человеческих прав, которые не позволено нарушать никому, даже законной власти, постепенно укореняется в общественном сознании, находит отражение в международных договорах и заметно влияет на практическую политику. Без крайней необходимости правительства стараются не заходить за невидимую черту, где они могут стать объектом критики и возможных санкций. Уважение к правам человека становится важным критерием международной оценки деятельности правительства, инструментом обеспечения коллективной безопасности.

Новые критерии поведения на мировой арене накладывают свой отпечаток и на деятельность транснациональных корпораций. Не желая навлечь на себя обвинения в сотрудничестве с репрессивными режимами или поощрении беззастенчивой эксплуатации труда в развивающихся странах, они вынуждены больше считаться с требованиями правозащитников. Речь идет не только о репутации крупнейших компаний; их деятельность за пределами страны становится предметом дорогостоящих исков и судебных разбирательств на родине¹⁰.

¹⁰ См., напр., «The Economist», August 14th 1999, p. 54.

Под напором правозащитной деятельности международное право потихоньку трансформируется в мирогражданское, базирующееся на признании неотъемлемых прав свободного гражданина мира. Развитие правовых систем в этом направлении стимулируют и другие глобализационные процессы: формирование мирового хозяйства, бурный рост телекоммуникаций, распространение международных средств массовой информации, миграции населения и туризм.

Создание глобальной системы юридической защиты прав человека делает первые шаги и наталкивается на мощное сопротивление. Ее законодательная база неразвита и слаба, система правосудия находится в зачаточном состоянии, она практически лишена правоохранительных органов и средств исполнения наказаний. Сегодня она действует в исключительных случаях, когда речь идет о громких преступлениях с большим количеством жертв. В качестве примеров можно привести международные трибуналы, расследующие массовые убийства мирных жителей в бывшей Югославии и Руанде, или организованное в Европе судебное преследование бывшего чилийского диктатора, генерала А.Пиночета.

Все попытки расширить и институализировать практику международной защиты прав человека пока дают скромные

результаты. В этом смысле показательна история создания Международного уголовного суда. Соответствующий договор был одобрен на конференции ООН в Риме в июле 1998 года представителями 120 государств при 21 воздержавшемся и 7 голосовавших против. Наиболее жестким противником этой идеи выступила американская делегация, немало преуспевшая в ограничении полномочий и независимости будущего суда. Тем не менее она не достигла своей цели: получить гарантии того, что ни один американский гражданин никогда не предстанет перед этим судом¹¹.

¹¹ «International Herald Tribune», July 25-26, 1998, p. 6; «The Economist», December 5th 1998.

Единственным примером успешно функционирующего международного правозащитного режима является деятельность Европейского суда по правам человека в Страсбурге. Он действует на базе Европейской конвенции по правам человека под эгидой Совета Европы. В большинстве западноевропейских государств решения суда приобрели силу закона. В сущности, на старом континенте он постепенно превращается в высшую судебную инстанцию, а Европейская конвенция – в билль о правах. И хотя это региональный, а не глобальный институт, Европейский суд создает важный прецедент международного правосудия.

3. Глобализация становится кому матерью, а кому – мачехой. Пасынки и падчерицы глобализации могут проклинать судьбу, но по большому счету выхода у них нет. Или они как-то впишутся в процесс трансформации человеческого сообщества, или окажутся за бортом. Третьего не дано. Времена изоляции – блестящей и не очень – прошли навсегда.

Страны, которые пытаются отгородиться от мира, например, Северная Корея или Мьянма, быстро оказываются в незавидном положении. Даже целые цивилизации, с трудом адаптирующиеся к современному образу жизни, сталкиваются с серьезными проблемами. Яркий образец – арабский мир.

Открытость не означает пассивного приспособления к внешнему миру. Напротив, она предполагает активный поиск оптимальных моделей взаимодействия с другими акторами, особенно теми, кто определяет облик будущего. В принципе, каждый может с пользой для себя внести конструктивный вклад в формирующееся глобальное сообщество народов. Одним это сделать легче, другим – труднее, но дорога не закрыта никому.

4. Глобализация меняет правила игры на мировой арене. Выигрыши одних перестают быть проигрышами других, и наоборот. Одновременно растет и цена конфликтов, в том числе и для победителей, и размеры наград для партнеров. Государства интуитивно чувствуют новую реальность и стремятся по возможности избегать столкновений. Их конфликтный потенциал дробится, рассеивается, уходит внутрь, превращается в многочисленные споры и разногласия по конкретным вопросам, которые постепенно разрешаются тем или иным образом. До открытых столкновений

дело доходит редко, и их стараются побыстрее прекратить. В то же время мощные силы подталкивают страны и народы к развитию сотрудничества в разных областях.

5. Становление мегаобщества интенсифицирует взаимодействие государств. Они волно или невольно выстраивают разнообразные системы отношений, создают замысловатые комбинации связей. Их сильные и слабые стороны проявляются быстрее и отчетливее, чем раньше, они занимают определенные места на невидимых иерархических лестницах. Типологически близкие образования формируют большие группы государств: развитые, переходные, развивающиеся, «четвертый мир». Внутри групп участники тоже располагаются по определенному ранжиру в зависимости от критериев сравнения. Вся система приобретает более упорядоченный и жестко структурированный характер.

Раздвигая горизонты, глобализация усиливает межстрановую конкуренцию. Все торопятся набрать очки, чтобы лучше выглядеть на общем фоне. Когда количество переходит в качество, страна перемещается вверх или вниз в мировой таблице о рангах, иногда даже переходит в другую категорию. В отличие от прошлого кардинальные изменения системы происходят не в результате мировых катаклизмов, а в результате постепенной трансформации. Сложный рисунок международных отношений, который иногда определяют как «однополюсную многополярность», до поры до времени скрывает масштабы происходящих перемен.

6. Глобализация стимулирует создание больших, относительно однородных социальных пространств, открывающих широкий простор для человеческой деятельности. Они включают в себя территории нескольких соседних государств, находящихся приблизительно на одном уровне развития. Степень их внутренней однородности зависит от основательности интеграционных усилий.

Выравнивание мирового пространства – задача невероятно сложная, требующая неопределенно долгого времени. Укрупнение пространств идет неравномерно, фрагментарно, создавая большую чересполосицу/

Стихийно формирующийся новый мировой порядок во многом вырастает снизу, постепенно кристаллизуясь вокруг наиболее сильных игроков. На базе этих центров силы формируются обширные суперрегионы, взаимодействие внутри которых отмечено повышенной интенсивностью. В зависимости от степени интеграции они принимают различные формы – от зон свободной торговли до конфедеративных объединений.

Эта новая политико-экономическая конфигурация мира все больше привлекает внимание исследователей. На первый план выходит вопрос о природе формирующихся суперрегионов, идет

ли речь о замкнутых торгово-экономических блоках с явной склонностью к автаркии или опорных конструкциях новой структуры мирового хозяйства. Пока преобладает идея открытого регионализма, когда внутренняя интеграция идет рука об руку с развитием связей между регионами.

Некоторые аналитики идут дальше. Они полагают, что таким образом закладываются основы нового политического устройства мира. По их мнению, суперрегионы движутся в направлении интеграций – наднациональных политических объединений со своей валютой, моделями экономического регулирования, правовыми институтами, структурами управления, системами безопасности. Поэтому в перспективе можно говорить, если не о государственных, то квазигосударственных образованиях. Каковы будут их конкретные формы – союзы, конфедерации, федерации, – не столь важно.

Не стоит гадать, как будут строиться отношения между суперрегионами в будущем. Вряд ли кто-то рискнет предсказать с какой-то долей уверенности, можно ли будет их вписать в рамки ООН и других международных организаций или они потребуют создания принципиально новой системы глобальных институтов. Принимающие определенные очертания суперрегионы еще не имеют политического лица (за исключением, возможно, Европейского Союза). Так что всё впереди.

7. Глобализация разрушает традиционные барьеры между внутренней и внешней политикой. Общие ориентиры развития сближают внутреннее устройство государств. Близость экономических, социальных, политических форм облегчает взаимодействие на разных уровнях. Становление мегаобщества увеличивает проницаемость границ. Внутриполитические шаги, резонируемые средствами массовой информации, все сильнее отдаются во внешнем мире. Внешняя политика постоянно проецируется на внутреннюю жизнь. Весь политический процесс становится более целостным и органичным.

Таким образом, за пару десятилетий мегаобщество – довольно хаотичный набор глобальных связей, норм, установок, ценностей, моделей поведения, режимов, систем, институтов – начало приобретать реальные очертания. Это не может не изменить наши представления о социуме, гражданстве, праве, политической власти, международных отношениях и других, не менее фундаментальных категориях, на которых строится жизнь общества. Это, опять же, не может не влиять на логику поведения тех, кто контролирует наиболее ценные ресурсы и принимает стратегические решения.

Развиваясь стихийно, глобализация тем не менее испытывает мощное воздействие организованных сил. Это – ведущие государства, международные организации, крупнейшие финансовые

институты, транснациональные компании, наиболее влиятельные средства массовой информации. У каждого из них – свои интересы, свое видение происходящего, свои методы достижения поставленных целей. Свои партнеры и конкуренты, друзья и враги, союзники и соперники. Пока что глобализация разрушает барьеры в жизни, но не в нашей психологии и сознании.

В настоящее время важнейшая системообразующая характеристика мироустройства заключается в следующем: Запад с менее чем 15% населения Земли контролирует более 70% мировых ресурсов, производства, торговли, потребления. Несмотря на всю риторику о равных возможностях, свободной конкуренции, преодолении диспропорций в развитии, упорядоченном росте, он хочет сохранить и закрепить существующее положение вещей. Процесс глобализации, становление мегаобщества дает ему в руки мощные рычаги контроля, сдерживания, а при необходимости – и ликвидации потенциальных конкурентов. В зависимости от характера проблемы, конкретных условий, силы сопротивления он может варьировать меры воздействия в широком диапазоне, от предоставления займов до вооруженного вмешательства.

На этой стадии наиболее емким определением глобализации может служить формула «асимметричной взаимозависимости». Главным субъектом, «распорядителем» процесса глобализации выступает постиндустриальный Запад, а остальные части мира, хотя происходящее в них и оказывает обратное воздействие на западные общества, все же скорее являются объектами (или жертвами) этого процесса. Сегодня в повестке дня преодоление «элитарного» характера глобализации, превращение ее в более демократический процесс, открывающий доступ к новым возможностям всем и каждому. Здесь – ключ к созданию устойчивого миропорядка.